

RU

Репрезентация концепта СЧАСТЬЕ в русском и армянском языках: семантико-прагматический аспект

Овсепян С. А., Рыбаков М. А.

Аннотация. Цель исследования – построение верифицируемой двуязычной модели лексико-семантического поля концепта СЧАСТЬЕ с выделением инвариантных и национально-специфических реализаций в русском и армянском языках. Научная новизна заключается в том, что впервые на материале двух типологически несходных языков создана интегральная модель поля СЧАСТЬЕ, включающая параметризацию межлексемных различий по четырем универсальным признакам – интенсивности, длительности, контролируемости и духовно-аксиологической глубине. В результате проведенного анализа выявлены и описаны новые закономерности: системная организация «семантических лакун» между функционально сходными синонимами; культурно обусловленные асимметрии в семантическом кодировании счастья – астрально-световая символика в армянской традиции, детализированная стратификация фортунитивного блока (удача/везение/успех) в русской, различная степень интеграции гедонистического компонента в духовно-ценностный контур. Результаты демонстрируют ядерно-периферийную организацию поля и выделяют три узловые подсферы: (i) эмоциональная радость, (ii) духовное блаженство, (iii) удача и благополучие. Межлексемная дифференциация в обеих языковых системах описывается по четырем параметрам: интенсивность аффекта, темпоральная протяженность, контролируемость (агентное достижение в противопоставлении дару случая) и аксиолого-духовная глубина. Установлены устойчивые межъязыковые соответствия (радость – *նրախմբություն*, блаженство – *երանություն*, благополучие – *բարօրություն*, удача – *բախտ*), при этом полная эквивалентность отсутствует: каждая лексема закреплена за собственной стилиевой и прагматической нишей.

EN

Representation of the concept HAPPINESS in Russian and Armenian: a semantic-pragmatic aspect

S. A. Hovsepyan, M. A. Rybakov

Abstract. The study aims to construct a verifiable bilingual model of the lexical-semantic field of the concept HAPPINESS, identifying invariant and nationally-specific realizations in Russian and Armenian. The scientific novelty lies in the fact that, for the first time, an integral model of the HAPPINESS field has been created based on material from two typologically dissimilar languages, featuring the parameterization of inter-lexeme differences according to four universal features: intensity, duration, controllability, and spiritual-axiological depth. As a result of the analysis, new patterns have been identified and described: the systemic organization of “semantic lacunae” between functionally similar synonyms; culturally conditioned asymmetries in the semantic encoding of happiness – namely, astral-light symbolism in the Armenian tradition, a detailed stratification of the fortuitous block (luck/fortune/success) in Russian, and varying degrees of integration of the hedonistic component into the spiritual-value contour. The results demonstrate the core-peripheral organization of the field and identify three nodal sub-spheres: (i) emotional joy, (ii) spiritual bliss, and (iii) luck and well-being. Inter-lexeme differentiation in both linguistic systems is described by four parameters: affect intensity, temporal duration, controllability (agentive achievement as opposed to a gift of chance), and axiological-spiritual depth. Stable inter-language correspondences have been established (joy – *նրախմբություն*, bliss – *երանություն*, well-being – *բարօրություն*, luck – *բախտ*); however, complete equivalence is absent, as each lexeme is assigned to its own stylistic and pragmatic niche.

Введение

Концепт СЧАСТЬЕ относится к числу базовых аксиологических категорий (аксиологем) и занимает ядерную позицию в ценностной картине мира этноса. Возрастающий интерес лингвистики к сопоставительной

концептологии и межкультурной семантике обусловлен антропоцентрическим и лингвокультурологическим поворотом современного языкознания. Анализ языковых репрезентаций (лексем, фразеологических единиц и устойчивых выражений) предоставляет возможность эксплицировать национально-культурную специфику осмысления счастья в различных языках. На этом фоне актуальность настоящего исследования определяется необходимостью построения интегральной семантико-прагматической модели концепта СЧАСТЬЕ в двух типологически несходных языках – русском и армянском – с целью выявления инвариантных и вариативных параметров языковой картины мира. При том что в русской лингвистической традиции указанный концепт описан относительно полно, корпус исследований по армянскому языку носит фрагментарный характер. Сопоставление русского (славянская ветвь) и армянского (самостоятельная ветвь индоевропейской семьи) позволяет реконструировать универсальные характеристики аксиологемы «счастье» и установить ее национально-специфические реализации.

Несмотря на интенсивную разработку феномена счастья в смежных дисциплинах (философии, психологии, социологии), его лингвистическая операционализация по-прежнему носит фрагментарный характер. Диахронические данные по русскому языку свидетельствуют о семантической эволюции лексики «счастье» от внешне-фаталистического значения «удача, доля» к внутренне-экзистенциальному «состояние (чувство) удовлетворенности» при сохранении в синхронии многокомпонентного полисемического комплекса. Армянский язык, обладающий собственными когнитивно-метафорическими моделями и разветвленной синонимической парадигмой концепта (базовая номинация *երջանկություն* [erjankut'yun]), остается сравнительно слабо вовлеченным в сопоставительные лингвосемантические исследования с русским. Нерешенным остается вопрос о степени функционально-прагматической эквивалентности синонимов базовой номинации «счастье / *երջանկություն*» в каждом из языков и о конфигурации возникающих между ними семантических лакун. Предварительные наблюдения показывают, что ни в русском, ни в армянском языке ни одна из лексем синонимической парадигмы не является полной семантико-прагматической эквивалентностью базовой номинации «счастье / *երջանկություն*»: каждая демонстрирует собственный комплекс дифференциальных признаков, связанных с интенсивностью аффективного переживания, его темпоральной протяженностью, степенью агентной контролируемости и степенью сакрально-духовной маркированности (Абрамова, 2024; Грдзелян, 2024; Сметанкин, 2024; Янь Кай, Чжан Бинь, 2023). Указанное обстоятельство актуализирует проблему уточнения операциональных критериев синонимичности применительно к абстрактным аксиологическим концептам. Настоящее исследование нацелено на восполнение данной лакуны знания: предлагается многоуровневая модель лексико-семантического поля «счастье» в двуязычной (русско-армянской) перспективе с параметризацией дифференциальных характеристик ключевых синонимических единиц.

Цель исследования определила необходимость решения следующих задач:

- 1) реконструировать содержательно-структурный профиль концепта СЧАСТЬЕ в каждом из языков на основе лексикографических дефиниций и корпусных данных, выделив ядерные и периферийные компоненты;
- 2) сформировать инвентарь ключевых лексем-репрезентантов счастья в русском и армянском языках с опорой на толковые и синонимические словари, а также описать их частотное и стилевое распределение;
- 3) эксплицировать и параметризовать дифференциальные семантические признаки указанных лексем (интенсивность аффективного переживания, темпоральная протяженность, степень агентной контролируемости vs случайности, наличие/степень духовно-аксиологической маркированности) и выполнить их межязыковое сопоставление;
- 4) смоделировать многоуровневое лексико-семантическое поле концепта СЧАСТЬЕ для обоих языков, выделив конвергентные узловые подсферы (например, «эмоциональная радость», «духовное блаженство», «удача и благополучие») и соотнеся с ними соответствующие синонимические единицы с указанием их прагматических ниш.

При решении поставленных задач применялся комплекс взаимодополняющих методов. Компонентно-дефиниционный анализ обеспечивал систематическую обработку словарных дефиниций лексем, входящих в лексико-семантическое поле «счастье» в русском и армянском языках, что позволило выделить интегральные и дифференциальные семы и реконструировать ядерные и периферийные зоны концепта (ср.: рус. счастье по С. И. Ожегову – «полное удовлетворение» и «удача, успех» (2010, с. 567); арм. *երջանկություն* [erjankut'yun] – «счастливое состояние», «лучшая доля, удача» (Աղաջան [Агаян], 1976, с. 234)). Полеструктурное моделирование дало возможность распределить синонимические ряды по тематическим подсферам: в русском материале это «эмоциональная радость», «духовное блаженство» и «удача/благополучие», в армянском – аналогичные кластеры с учетом национально-культурной специфики. Сопоставительный метод был реализован через параметризацию межлексемной дифференциации, что обеспечило унифицированное сравнение двух систем; при этом выделялись четыре параметра: интенсивность переживания, временная протяженность, контролируемость/происхождение и ценностно-духовная глубина. Когнитивно-прагматический подход локализовал прагматические ниши каждой лексики, выявив системную иерархию семантических лакун внутри многоуровневого поля «счастье» в сопоставляемых языках.

Материалом исследования для лексико-семантического описания концепта СЧАСТЬЕ в сопоставительном аспекте (на русском и армянском языках) послужили данные толковых, синонимических, этимологических и фразеологических словарей, а также корпусные материалы. В числе использованных источников – Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова (2010); Большой толковый словарь русского языка под ред. С. А. Кузнецова (2014); Արդի հայերենի բացատրական բառարան Э. Агаяна (Աղաջան, 1976); Словарь синонимов русского

языка под ред. А. П. Евгеньевой (1970-1971); Словарь русских синонимов Н. Н. Абрамова (1996); Հայոց լեզվի հոմանիշները բացատրական բառարան А. М. Сукесяна (Sukiasyan, 1967); Этимологический словарь русского языка М. Фасмера (1986-1987); Этимологический словарь русского языка Н. М. Шанского (1963); Большой фразеологический словарь русского языка под ред. В. Н. Телии (2009); Большой фразеологический словарь русского языка И. С. Брилевой (2009).

Теоретическую базу исследования составляет комплекс работ по когнитивной семантике, лингвокультурологии и сопоставительной лексикологии, позволяющих раскрыть семантико-прагматическую специфику ключевых синонимов поля «счастье» в русском и армянском языках. В русской традиции важнейшими ориентирами выступают исследования концепта СЧАСТЬЕ в национальном сознании (Воркачев, 2002; Кафтан, 2021; Лихачев, 1993), его когнитивной и этической наполненности (Дербишева, 2020; Дмитриева, 2013), а также аксиологической и фразеологической репрезентации (Багаутдинова, Байрамова, 2006; Черкашина, 2016). Сравнительные подходы (Идзибагандова, 2021; 2022) демонстрируют специфику соотношения «удача ↔ результат усилий» и этнокультурные вариации образа счастья. Для армянского языка значимой является работа А. Грдзелян (2024), реконструирующая семантическую организацию синонимических рядов (հաջողություն, բախտ, հաջողություն и др.), что позволяет описать национально-культурные особенности прагматических ниш. Корпусно-статистические и социолингвистические исследования (Медведева, Ярашева, Макара, 2023) уточняют параметры дифференциации – интенсивность, длительность, контролируемость и духовную глубину, – которые подтверждаются межкультурными и психолингвистическими данными (Янь Кай, Чжан Бинь, 2023; Wierzbicka, 2004).

В практическом плане полученные данные могут быть использованы в лексикографической практике при уточнении дефиниций и принципов организации синонимических рядов в русском и армянском языках, в переводоведении для установления прагматических и семантических соответствий при передаче концепта СЧАСТЬЕ и его синонимов в межкультурной коммуникации, а также в преподавании русского и армянского языков как иностранных, где реконструкция культурно маркированных концептов способствует формированию межкультурной компетенции обучающихся.

Обсуждение и результаты

В рамках лингвистической концептологии накоплен существенный эмпирико-теоретический материал по изучению концепта СЧАСТЬЕ в различных языках. В антропоцентрической парадигме концепт рассматривается как ментально-языковое образование, аккумулирующее знания, эмоции и ценности, релевантные данной культуре. В классическом определении Д. С. Лихачева концепты квалифицируются как «сгустки культуры в сознании человека» (1993, с. 4), через которые индивид входит в культурное пространство. Вслед за этой традицией У. И. Идзибагандова (2022, с. 92) трактует концепт СЧАСТЬЕ как ключевой для реконструкции ценностных ориентиров русской языковой личности. С. Г. Воркачев (2002, с. 24) определяет счастье в русскоязычном сознании как аксиологический идеал и экзистенциальную целевую установку, сопряженную с представлениями о благополучии и удаче. По данным психолингвистического опроса Е. А. Черкашиной (2016, с. 41), наивная дефиниция счастья у носителей языка включает, прежде всего, «состояние (чувство) полного удовлетворения», а также компоненты успеха и удачливости. Конвергентные выводы демонстрирует и А. Д. Шмелев (2002, с. 74), указывая, что в русской языковой картине мира счастье соединяет идею удачи с внутренней удовлетворенностью.

Согласно данным этимологических словарей, древнерусское съчастье восходит к праслав. **sz-čestbje* «хорошая часть, удел» и первоначально обозначало «счастливую долю, судьбу, участь» (Фасмер, 1986-1987, с. 434; Шанский, 1963, с. 178). Диахронические свидетельства фиксируют семантическую двуполюсность лексемы уже в XIX в.: в «Толковом словаре» В. И. Даля счастье трактуется, с одной стороны, как «рок, судьба, доля», а с другой – как «случайность, удача, успех»; дополнительно в дефиницию включаются значения «благоденствие, благополучие, земное блаженство, покой и довольство» (Цит. по: Брилева, 2009, с. 342). Тем самым исторически слово объединяет референты внешнего порядка (фортуна, благоприятный исход) и внутреннего состояния (удовлетворенность, благополучие). Полисемия сохраняется и в современном русском языке: С. И. Ожегов выделяет два базовых значения: (1) «чувство (состояние) полного, высшего удовлетворения» и (2) «удача, успех», что корреспондирует академическим толкованиям («состояние высшей удовлетворенности жизнью; также: успех, удача») (2010, с. 256). Такая семантическая конфигурация задает для дальнейшего анализа две макрокомпоненты концепта – внешне-событийную (случай и удача) и внутренне-экзистенциальную (полнота довольства и благополучия). Ряд исследований констатирует, что для русской языковой картины мира характерна двукомпонентная концептуализация счастья (Дербишева, 2020; Дмитриева, 2013). Во-первых, оно репрезентируется как трансцендентно дарованная удача – благоприятный, во многом алеаторный случай, слабо поддающийся волевой регуляции субъекта. Во-вторых, счастье осмысливается как высшее благо и «полнота жизни», достигаемые в телеологической перспективе через труд, добродетель и нравственно мотивированное поведение. Указанное диалектическое соприкосновение «алеаторного» и «достиженческого» макрокомпонентов подтверждается паремнологическим фондом: пословица «Не было бы счастья, да несчастье помогло» фиксирует идею случайно опосредованной удачи, тогда как формула «Счастья вдруг не бывает» маркирует требование усилий и временной протяженности как условий его обретения.

В лингвокультурологической традиции подчеркивается тесная корреляция концепта СЧАСТЬЕ с национально-культурными стереотипами. Так, на фразеологическом материале Г. А. Багаутдинова и Л. К. Байрамова (2006, с. 57) реконструируют образный контур русской модели: счастье осмысливается как безмятежная «малиновая» жизнь, как птица удачи (ср. поговорку «счастье – птица вольная: упустишь – не поймаешь»), то есть как ценность, склонная к ускользанию. В рамках символического анализа А. Е. Кафтан (2021, с. 524) фиксирует устойчивые эмблемы счастья в русской картине мира – солнце, свет, путь/дорога и др., при этом подчеркивая, что в целом счастье концептуализируется преимущественно как «светлый идеал», а не как повседневная эмоция. Этот сдвиг к сакрализации и осторожной вербализации согласуется с наблюдениями А. Вежибской (Wierzbicka, 2004, р. 37), отмечающей, что носители русского языка сравнительно редко прямо декларируют «я счастлив», мотивируя речевую сдержанность страхом «сглаза» и представлением о хрупкости счастья как состояния, требующего бережного отношения.

В армянском языковом и культурном пространстве проблематика концепта СЧАСТЬЕ разработана заметно слабее, однако отдельные аспекты репрезентированы в лексикографических и единичных лингвокультурологических работах. Так, в «Словаре синонимов армянского языка» А. М. Сукиасяна (Sukiasyan, 1967) фиксируется развернутый синонимический ряд к лексеме երջանկութիւն «счастье». Исследование А. Грдзелян (2024), посвященное семантической организации синонимических гнезд, опосредованно затрагивает и соответствующий ряд. В публикации Е. И. Медведевой, А. В. Ярашевой и С. В. Макара (2023, с. 20) подчеркивается культурная специфика: в армянской традиции счастье устойчиво соотносится с благословением, изобилием и семейным процветанием. Показательно также фразеолоксикографическое свидетельство: в толково-фразеологическом словаре Э. Агаяна (Աղայան, 1976) в качестве переносных наименований «счастья» приводятся արեւ «солнце», արեւիկ և արեւ «утро, заря», բարի աստղ «добрая/счастливая звезда». Эти данные позволяют выдвинуть рабочую гипотезу о тесной привязанности армянской языковой концептуализации счастья к световым и небесным образам (солнце, заря, звезда) и к идее сакрального покровительства и благословения. В сопоставительной перспективе это отличает армянский материал от русского: при том, что в русском фольклорно-фразеологическом фонде присутствуют параллельные метафоры (ср. «родиться под счастливой звездой»), соответствующие номинации, которые не функционируют как системные синонимы базовой лексемы «счастье», тогда как в армянской традиции они лексикографически закреплены как равноправные переносные обозначения.

Обращение к лексикографическим источникам показывает, что базовая армянская лексема երջանկութիւն [erjankut'yun] «счастье; блаженство» соотносится с развернутым синонимическим гнездом. В него системно входят: երանկութիւն [eranut'yun] «блаженство, блаженность»; բախտավորութիւն [bakhtavorut'yun] «счастливость, удачливость» (от բախտ «судьба, доля»); բարեբախտութիւն [barebaxtut'yun] «благополучная судьба, счастливая доля»; բարորութիւն [barorut'yun] «благополучие, процветание», а также дериваты с формантами состояния – արեւորութիւն / -եղութիւն: երջանկարեւորութիւն, երանկարեւորութիւն, երանկեղութիւն «счастливость, блаженность». Антонимическая зона формируется лексемами դժբախտութիւն [dzbaxtut'yun] «несчастье» и թշուառութիւն [tsvarrut'yun] «бедственное положение, нищета; крайняя несчастность» и др. (Աղայան [Агаян], 1976). Морфемно-словообразовательные связи дополнительно структурируют поле: компонент բախտ «судьба, доля» задает «фатально-удачливую» подсферу (բախտավորութիւն, բարեբախտութիւն), тогда как префиксоид բար- «добрый, благой» профилирует семантику благополучия и процветания (բարորութիւն, բարեբախտութիւն). Тем самым ядро концепта в армянском языке задается оппозицией «երջանկութիւն – դժբախտութիւն» и разветвляется на три релевантные микрозоны: (i) эмоционально-экзистенциальную (երջանկութիւն, երանկութիւն), (ii) судьбо-удачливую (բախտ-производные) и (iii) благополучно-процветную (բար-производные). По составу и внутренней организации это поле демонстрирует высокую сопоставимость с русской системой (счастье – несчастье; удача; благополучие) при сохранении национально-специфических акцентов.

Суммируя данные рассмотренных источников, представляется возможным констатировать, что концепт СЧАСТЬЕ сочетает универсальные инварианты (корреляция с благом, радостью, удачей и благополучием) с выраженной культурно-специфической семантикой. В русской языковой картине мира доминирует дуальная модель: с одной стороны, дар судьбы, неожиданная удача, с другой – духовно-этический идеал внутренней гармонии. В армянской традиции, наряду с компонентами удачи и благополучия, отчетливо актуализированы светосимволическая семиотика (образный ряд солнца и утра) и астральный код предначертанного счастья (мотив «доброй звезды»). Вместе с тем наличный корпус наблюдений носит фрагментарный характер, что обуславливает необходимость целостного сопоставительного исследования, основанного на унифицированных принципах отбора данных, единых дефиниционно-компонентных процедурах и сопоставимых критериях прагматико-стилистической интерпретации.

Обобщение лексикографического материала позволяет квалифицировать концепт СЧАСТЬЕ в русском и армянском языках как сложное, полицентрическое образование с ядерно-периферийной организацией. Ядро составляет репрезентация положительного, аксиологически маркированного состояния полной удовлетворенности жизнью, противопоставленного несчастью; именно она фиксируется толковыми словарями как «высшее благо, высшая степень довольства жизнью» / «լիարեւելի երջանկութիւն» «совершенное счастье». В обоих языках ядерное содержание вербализуется базовыми лексемами счастье (рус.) и երջանկութիւն (арм.), обладающими наибольшей семантической обобщенностью. Периферия формируется за счет семантических компонентов, конкретизирующих различные грани феномена – его причинную обусловленность (удача,

доля), модусы переживания (радость, блаженство), а также условия и результаты достижения (благополучие, процветание), тем самым структурируя поле по параметрам происхождения, формы и длительности соответствующего состояния. На основании сопоставительного анализа репрезентаций концепта СЧАСТЬЕ в русском и армянском языках выделяются три инвариантные смысловые подсферы:

1. СЧАСТЬЕ как эмоциональная радость – аффективно-психологический модус, соотносимый с субъективным переживанием радости, веселья и наслаждения; типично ситуативен и кратковременен (моментальная «вспышка» счастья).

2. СЧАСТЬЕ как духовное блаженство – аксиологически «высокий» (часто сакрализированный) модус, связанный с внутренним покоем, благодатью и гармонией; интерпретируется как благословенное, предельно интенсивное и экзистенциально значимое состояние.

3. СЧАСТЬЕ как удача и благополучие – фортуитивно-результативный и эвдемонический модусы: с одной стороны, везение/счастливый случай, с другой – устойчивое жизненное благополучие, достаток, отсутствие лишений. Все три компонента конституируют содержание концепта в обеих языковых системах, однако набор вербализующих средств и относительная выраженность указанных подсфер различаются. В дальнейшем анализе синонимические ряды и их дифференциальные признаки рассматриваются по каждой из подсфер отдельно.

Счастье как эмоциональная радость

К данной подсфере относятся лексемы, репрезентирующие позитивные аффективные состояния различной модальности и степени интенсивности, коррелирующие с переживанием счастья. В подсфере русского языка ядерный состав образуют: радость, веселье, ликование, восторг, наслаждение, удовольствие и др. В подсфере армянского языка – сопоставимый ряд: *նրախոսություն* [uraxut'yun] «радость», *ցնծություն* [cncut'yun] «ликование», *խնծություն* [xndut'yun] «веселье», *վայելք* [vayelq] «наслаждение», *հաճույք* [hajuyq] «удовольствие», а также формально и семантически близкие единицы (напр., *զվարճություն* «забава, увеселение»).

Интегральной семой указанных номинаций выступает «положительное эмоциональное переживание, связанное с чувством удовольствия по поводу события/состояния». Дифференциация внутри группы задается набором дифференциальных параметров, прежде всего интенсивностью и темпоральной протяженностью переживания, степенью его эксплицитности/экстериоризации, волевой контролируемостью, а также стилистической маркированностью и типичными коллокациями.

• **Радость** в синонимическом ряду русского языка выступает прототипической и высокочастотной лексемой, денотативно обозначающей положительное аффективное состояние, обусловленное благоприятным стимулом/событием (Ожегов, 2010, с. 179). По параметрам интенсивности и темпоральной протяженности она характеризуется как умеренная и вариативная: может реализоваться как ситуативный всплеск (радость встречи, радость от новости) либо как относительно устойчивый фон переживания (радость жизни). Функционально-стилистически слово нейтрально и демонстрирует широкую регистровую валентность от разговорной коммуникации до философско-эссеистического и художественного дискурса (например, радость бытия). Ее ближайшим эквивалентом в армянской системе является *նրախոսություն* [uraxut'yun] «радость, веселье», традиционно описываемая как «бодрое, приподнятое настроение; состояние радости». Синонимическое окружение армянской единицы включает как преимущественно эмоциональные корреляты – *զվարճություն* [zvarjut'yun] «забава», *բերկրաւոր* [berkranq] «ликование», *հրճվանք* [hrcvank'] «восторг», – так и номинации событийно-праздничного характера – *տոն* [ton] «праздник», *խնջույք* [xnjuyq] «пир» (Sukiasyan, 1967, с. 344). Последние репрезентируют метонимическое расширение значения «радость» в сферу ритуально-социальных практик. Тем самым обе лексемы – радость и *նրախոսություն* – разделяют общую интегральную сему «положительное эмоциональное переживание», но демонстрируют сопоставимые дифференциальные параметры: умеренную интенсивность, потенциальную длительность, регистровую нейтральность и высокую коллокационную сочетаемость.

• **Веселье** репрезентирует приподнятый гедонический тонус и беззаботную, преимущественно коллективную аффективность, часто сопровождаемую экспрессивными проявлениями (смех, шутки, игровые практики) (Большой толковый словарь русского языка, 2014, с. 765). В армянской системе ближайшим функциональным коррелятом выступает *զվարճություն* [zvarjut'yun] «веселье, развлечение» (Աղաջան [Агаян], 1976, с. 356). Дифференциально обе единицы маркируют более легковесную, ситуативно-эпизодическую модальность позитивного переживания по сравнению с нейтрально-универсальной радостью / *նրախոսություն*, демонстрируя: (i) повышенную событийность и «карнавальны́й» характер (шумность, развлекательность), (ii) кратковременность и слабую устойчивость состояния, (iii) разговорно-бытовую регистровую привязку. Типичные русские коллокации (шумное веселье, погрузиться в веселье) отражают переход к активированным формам досуговой активности; армянское *զվարճություն* аналогично расширяется в сферу развлечений и увеселений, что фиксирует метонимический сдвиг от «аффекта» к «практикам времяпрепровождения».

• **Ликование** репрезентирует экстатически-торжественный аффект, возникающий как кульминационная реакция на социально значимое достижение (победа, триумф, знаменательное событие). Ему присущи (i) максимальная интенсивность переживания при (ii) ограниченной временной протяженности, (iii) отчетливый оттенок торжества и коллективной солидарности. Стилистически единица относится к высокому, книжно-публицистическому/риторическому регистру; прототипические коллокации: народное ликование, волна ликования, ликование толпы (Абрамов, 1996, с. 190).

теонимические сочетания типа *սուրբազան երանություն* «божественное блаженство» (Sukiasyan, 1967, с. 567). Стилистически все перечисленные единицы маркируют высокий / религиозно-философский регистр и контрастируют с нейтральными обозначениями эмоций, задавая измерение «счастья» как духовно-сакрального идеала.

- **Блаженство** в русской языковой системе репрезентирует ощущение предельной, ничем не превосходимой степени счастья, как правило с религиозно-экзистенциальным или эстетико-экстатическим оттенком; в толковании С. И. Ожегова – это «высшая степень счастья, совершенное счастье» (2010, с. 244). Лексема стилистически относится к высокому, книжному регистру и преимущественно функционирует в письменных текстах, оставаясь малочастотной в разговорной речи. Ей функционально соответствует армянское *երանություն* [eranut'yun] «блаженство», которое в академической лексикографии определяется как «*երանելի վիճակ, կատարյալ երանություն*» («блаженное состояние, совершенное счастье») (Աղայան [Агаян], 1976, с. 145). Морфемная база *երան-* (ср. *երանելի* «блаженный») в историко-культурной перспективе соотносится с обозначениями благословенного/райского состояния. Синонимическое окружение *երանություն* фиксирует как строгие эквиваленты (*երջանություն* «счастье», *երանելիություն* «блаженность»), так и периферийные корреляты типа *բարեբախտություն* «благоденствие» и *բավականություն* «счастливость»; при этом словари отмечают вторичное, оценочно-гедонистическое значение *բավականություն*, *հաճույք* «удовлетворенность, удовольствие». Тем самым армянская лексема концептуально совмещает два регистра – сакрализованное духовное состояние и глубинное чувственное довольство, тогда как русское блаженство в большей степени закреплено за высоким, сакрально-эстетическим пластом поля «СЧАСТЬЕ».

- **Благодать** в русской лексической системе – церковнославянизм, исходно обозначающий «божественную милость, дар Божий». В секулярном употреблении лексема переосмыслена как номинация состояния умиротворенности и идиллической гармонии («в лесу – тишина и благодать»), тем самым формируя периферийную зону поля «СЧАСТЬЕ»: «на душе благодать» = «очень хорошо, спокойно, благодно» (Словарь синонимов русского языка, 1970–1971, с. 267). В армянском языке точного однословного соответствия русскому «благодать» нет; функционально близкими служат перифрастические конструкции с сакральным компонентом, напр.: *սուրբազան երջանություն* «божественное счастье», *երկնային երանություն* «небесное блаженство», а также сочетания типа *դիվանային երանություն* «райское блаженство» (Sukiasyan, 1967, с. 307). В обыденной коммуникации соответствующая семантика преимущественно выражается базовой лексемой *երջանություն* «счастье» с оценочно-сакральными эпитетами, что указывает на перифразный способ репрезентации религиозно маркированной «благодатной» семантики в языковой норме.

- **Упоение** в русской лексикосемантической системе репрезентирует метафору «интоксикации аффекта» – крайне интенсивного, кратковременного позитивного переживания на грани экстатического состояния; типичные коллокации: упоение счастьем, победой, жизнью и искусством (Брилева, 2009, с. 48). Лексема «стилево» маркирована (высокий/книжный регистр) и функционирует как индикатор пиковой эмоциональной амплитуды.

В восточноармянском корпусе точного монологического коррелята с тем же метафорическим профилем не фиксируется; соответствующая семантическая ниша преимущественно заполняется перифрастическими средствами: интенсифицированной номинацией *խեղճ երջանություն* «бешеная радость» и предикативной конструкцией *մոռալիք երջանությունից* в значении «опьянеть и затуманиться от радости» (Աղայան [Агаян], 1976, с. 142). В качестве частично перекрывающего номинала выступает *վիշիք* «наслаждение, упоение» (в том числе в переносно-эстетическом и духовном значении), однако его денотативный объем смещен в сторону гедонического «наслаждения» и стилистически менее экспрессивен, чем русское упоение. Тем самым наблюдается межъязыковая асимметрия: в русском – компактная метафорическая номинация пиковой радости, в армянском – преимущественно перифрастическая и предикативная репрезентация соответствующего аффективного пика.

Наряду с центральными репрезентантами поля, в обеих языковых системах функционирует слой лексики «низшего регистра» позитивной аффективности, смежный с концептом СЧАСТЬЕ. Так, удовольствие (рус.) и его армянские корреляты *հաճույք* «удовольствие» и *բավականություն* «довольство» концептуализируют гедонически ориентированное удовлетворение частных потребностей и тем самым маркируют периферийную зону поля – «микромодусы» счастья, редуцированные по интенсивности и ценностной высоте. В противоположном полюсе располагаются универсалии религиозно-философского дискурса – экстаз, нирвана (арм. *երանություն*, а также кальки и словосочетания типа *սուրբ երանություն* «святое блаженство») (Sukiasyan, 1967, с. 308), – обозначающие предельные, трансцендентные состояния благостности. Поскольку указанные единицы являются преимущественно интеркультурными заимствованиями и внеядерными для исконных синонимических парадигм, их обычно не включают в строгий ряд синонимов «счастья»; однако для полноты семантического описания границ и вертикальной стратификации поля их релевантно учитывать как периферийные ориентиры шкалы «удовольствие → счастье → блаженство/экстаз».

С точки зрения параметров интенсивности/длительности данная подсфера характеризуется следующим распределением: блаженство – русское и *երանություն* – армянское репрезентируют глубинное, как правило, длительное (иногда – внеисторически-вневременное) состояние счастья, тогда как упоение соответствует кратковременному пиковой интенсивности экстатическому переживанию. Параметр контролируемости здесь нерелевантен: указанные состояния концептуализируются как неконтролируемые субъектом – либо «даруемые» (в силу религиозной коннотации), либо возникающие как эффект полного аффективного погружения (в случае упоения). Ценностно-духовная глубина максимальна: и блаженство, и *երանություն* соотносятся

с идеей высшего, идеального состояния души. В стилистическом отношении рассматриваемые единицы преимущественно относятся к книжно-поэтическому и религиозно-литургическому регистрам и редко актуализируются в повседневной речи; ср. устойчивые формулы армянской гимнографии типа «Երկնային Երանություն» / «Երանություն Երկնից» «небесное блаженство». В русской традиции ближайшей разговорной репрезентацией служит лексема «благодать», закрепленная, в частности, в паремииологической формуле «Не жизнь, а благодать», обозначающей беззаботно-счастливое существование.

Показательной для армянского языкового узуса является интеръективная единица «Երանի» [yerani], этимологически восходящая к корню Երան- «блаженный, счастливый» (Sukiasyan, 1967, с. 178). Функционально она реализует бенедиктивно-оптативное и оценочно-конативное значения. В адресной конструкции типа «Երանի բիզ» («блажен/счастлив ты») выражается завистливо-восхищенная оценка адресата и конвенциональный подтекст «повезло тебе; вот бы и мне так», сопоставимый по прагматике с русскими формулами «счастливчик», «повезло тебе». Структурно, однако, армянское высказывание концептуализирует удачу через предикат блаженности (а не через «везение»), что указывает на устойчивую семантическую связку «счастье/удача ↔ блаженство/благодать» в разговорном регистре. Таким образом, частотная бытовая формула «Երանի...» эмпирически фиксирует культурно значимую интеграцию категорий удачи и благодати в армянской языковой картине мира.

Счастье как удача, успех и благополучие

Данный семантический кластер репрезентирует экстрапсихическую (ситуационно-результативную) интерпретацию счастья, когда позитивная оценка обусловлена не внутренним переживанием, а фортуитивным стечением обстоятельств, достижением цели и/или устойчивым социально-экономическим состоянием.

Русский язык: удача, везение, успех, счастье (в значении «удача»; узואльно стилистически маркировано), благополучие, благосостояние, фортуна и др.

Армянский язык: բախտ [bakht] «судьба; удача», հաջողություն [hajoghutyun] «успех (в том числе везение)», բախտավորություն [bakhavorut'yun] «счастливость, везучесть», բարեբախտություն [barebakhut'yun] «счастливая доля; благополучный исход», բարորություն [barorut'yun] «благоденствие», բարեկեցություն [barekecut'yun] «благосостояние», а также идиома «բախտի աստղի տակ ծնված» «рожденный под счастливой звездой».

Ключевой для подсферы армянского языка является лексема բախտ [bakht], этимологически восходящая к персидскому bakht «судьба, удел». В современном армянском языке она функционирует как двухполюсная номинация: (а) «судьба/доля», (б) «удача/счастливый случай». Типичное разговорное высказывание «բախտս բերեց» [bakhts berets'] («моя судьба принесла») (Sukiasyan, 1967, с. 334) идиоматически эквивалентно русскому «мне повезло», что демонстрирует концептуализацию удачи через категорию судьбы. В русском языке, напротив, употребление «счастье» в фортуитивном значении сегодня преимущественно архаизовано/книжно («счастье улыбнулось»), тогда как в нейтральном регистре доминируют специализированные фортуитивы «удача», «везение» и результатив «успех». Тем самым, при поверхностной изоморфии наборов наблюдается системное расхождение в точке опоры: армянская норма тяготеет к фатальному основанию (судьба → удача), русская к функционально-жанровому разводу «случайность» (удача/везение) vs «достижение» (успех) и «состояние дел» (благополучие/благосостояние).

- **Удача** репрезентирует фортуитивный исход события: «счастливый случай, благоприятное стечение обстоятельств», семантически профилируя внешнеправленную, неконтролируемую причинность (экзогенный фактор: «удача подвернулась») (Абрамов, 1996, с. 343). Армянский аналог հաջողություն [hajoghut'yun] является полисемичной единицей, объединяющей два компонента: (i) результативный («успех» как итог целенаправленных усилий) и (ii) фортуитивный («удача» как случайная благоприятность) (Աղայան [Агаян], 1976, с. 225). В прагматике общения лексема функционирует как ритуальная формула благопожелания («Հաջողություն!» «удачи/успехов!»). Сочетание «հաջողություն ունենալ» [hajoghut'yun unenal] двусмысленно реализует оба сценария: «добиться успеха» (контролируемая каузальность) и «испытать удачу» (случайная каузальность). Следовательно, в сопоставительном плане русское «удача» преимущественно кодирует неконтролируемый фортуитивный фактор, тогда как армянское «հաջողություն» концептуально сопрягает фортуитивный и результативный смыслы в пределах одной лексемы, что отражается как в дефинициях, так и в узусе (включая формулы пожелания).

- **Везение** представляет собой разговорно-колоквиальную номинацию фортуитивной успешности («счастливый случай», «удачливость»), стилистически маркированную пониженным регистром и отличную от нейтральной лексемы удача (Большой толковый словарь русского языка, 2014, с. 677). В армянской подсфере точного однословного коррелята нет; соответствующий смысл реализуется через лексику բախտ [bakht] «судьба; счастье, удача» и продуктивные перифрастические конструкции типа «սղային բախտս բերել է» «юноше повезло» (буквально «его судьба принесла»), «բախտս օգնեց» «помогла удача» (Sukiasyan, 1967, с. 356). Тем самым проявляется системная асимметрия: в русском языке наблюдается лексическая дифференциация нейтрального фортуитивного термина (удача) и разговорной номинации (везение), тогда как в армянском соответствующий семантический континуум покрывается одной базовой лексемой (բախտ) и ее синтаксическими развертками, допускающими персонификацию/агентивацию удачи в составе предиката. Прагматически это отражает различие в регистровом распределении: русское везение маркирует разговорный стиль, тогда как армянские модели с բախտ остаются стилистически нейтральными либо слабо маркированными в повседневном узусе.

- **Успех** – результативная реализация намерения, достижение поставленной цели, как правило, обусловленное агентными усилиями субъекта. В армянском языке функциональным эквивалентом выступает

հաջողություն [hajoghut'yun] в значении «успех (достижение)», а для обозначения собственно результата труда в специализированном, неоценочном ключе широко употребляется նվաճում [nvajum] «достижение; завоевание» (ср. также ձեռքբերում «приобретение, достижение») (Sukiasyan, 1967, с. 122). Семантически успех репрезентирует «контролируемую» модальность счастья – телос-ориентированное благополучие, производное от целенаправленного действия. В русской культурно-языковой традиции нередко конструируется оппозиция «успех ↔ счастье» (первое – внешне-социальный результат, второе – внутреннее экзистенциальное состояние); тем не менее в лексико-прагматическом поле счастья успех интегрируется как его потенциальный источник и коррелят: «успешный» субъект регулярно квалифицируется как «счастливый», а достижение конвенционально связывается с позитивным аффектом.

В армянской подсфере разграничение между фортунитивным и агентно-достижительным зачастую нейтрализовано на уровне одной лексемы հաջողություն, охватывающей оба аспекта («удача/успех»). При необходимости эксплицировать именно результат трудовой/профессиональной деятельности предпочтительно обращение к նվաճում (или ձեռքբերում), что выводит высказывание за пределы собственно аксиологемы «счастья» и переводит его в деонтически нейтральный регистр «итога/результата». Такая конфигурация отражает межязыковую асимметрию категоризации: в русском дискурсе «успех» и «счастье» тяготеют к прагматическому разводу (при частичной семантической конвергенции), тогда как в армянском наблюдается лексическая конвергенция фортунитивного и целедостижительного значений внутри հաջողություն с последующим уточнением через терминологически маркированные номинации результата.

- **Благополучие** – устойчивое состояние жизненной устроенности и отсутствия значимых неблагоприятных факторов (Абрамов, 1996, с. 33); семантически соположено «благоденствию», «процветанию» и имеет преимущественно объективированную (ситуативно-социальную) трактовку.

Армянскими функциональными эквивалентами выступают բարօրություն [barorut'yun] и բարեկեցություն [barekcut'yun] (Sukiasyan, 1967, с. 299). При этом բարօրություն коррелирует со стилем нейтрально-общеупотребительного «благополучия», обозначая как материально-бытовую, так и общую социально-жизненную устроенность; բարեկեցություն – терминологически маркированное наименование уровня благосостояния (в т. ч. в экономико-статистическом дискурсе: «уровень благосостояния населения»). Обе лексемы морфологически содержат позитивно-оценочный компонент բար- «благо-, добрый-», при этом բարօրություն этимологически восходит к сочетанию բարի + օր («добрый день» → «благие дни», «хорошие времена»), что мотивирует значение «состояние благополучия» (Sukiasyan, 1967, с. 302). В современном употреблении բարօրություն охватывает как материальный, так и общий (социально-психологический) аспект устроенности, тогда как русское благополучие и армянское բարեկեցություն чаще репрезентируют объективно фиксируемое состояние достатка и стабильности с пониженной эмоциональной валентностью.

- **Благоденствие** – книжно-архаичная номинация устойчивого благополучия и процветания (ср. устойчивые формулы типа благоденствие народа) (Телия, 2009, с. 567), в современном употреблении редкая и употребляемая в высоком книжном стиле.

Ее функциональным соответствием в армянской традиции выступает բարեբախտություն [barebakhtut'yun], буквально «добрая участь, счастливая доля» (բարի «добрый» + րախ «судьба») (Աղայան [Агаян], 1976, с. 174). В семантико-прагматическом плане բարեբախտություն часто репрезентирует идею «счастливой судьбы / благоденствия» в жанрах благопожелания и молитвенно-торжественного дискурса (напр.: «բարեբախտություն Հայաստանի» – «вечное благоденствие Армении»). При этом в нейтрально-официальной номинации социально-экономического состояния точнее коррелируют армянские բարօրություն «благополучие» и բարգավաճում «процветание». Следовательно, соответствие благоденствие ↔ բարեբախտություն обусловлено прежде всего прагматическим режимом употребления (эпидейктика, молитвенно-пожелательные формулы), тогда как для описательных контекстов предпочтительны բարօրություն/բարգավաճում.

- **Фортуна** – книжная мифологема удачи (персонифицированный образ богини Фортуны) (Телия, 2009, с. 332), функционирующая преимущественно в высоком и ироническом регистрах. В армянском языке прямое заимствование ֆորթունա фиксируется спорадически и носит маргинальный, чаще шутливо-иронический характер; в реальном употреблении его вытесняет астральная идиоматика (Sukiasyan, 1967, с. 467). Показателен устойчивый оборот «ծնվել րախաւոր աստղի տակ» «родиться под счастливой звездой», полностью изоморфный русской идиоме и, в отличие от русского, регулярно ономазиологически интегрируемый в синонимические ряды концепта СЧАСТЬЕ через переносные номинации типа «բարի աստղ» «добрая звезда». В русской лексикографической традиции «звезда» как самостоятельный синоним счастья, как правило, не выделяется, хотя характеризуется общеязыковым употреблением. Указанное расхождение отражает культурно-символический сдвиг: в армянской языковой картине мира семантика удачи систематически астрализуется (солнце, звезда, заря как метафоры/метонимии благой доли), тогда как в русской – сохраняет более абстрактную, де-персонифицированную модель номинации.

Таким образом, мы можем четко обозначить дифференциальные параметры: во-первых, в обеих системах выявляется оппозиция «контролируемый результат – неконтролируемая удачливость»: в русском успех противопоставлен удаче и везению; в армянском – հաջողություն «успех и удача» соотносится с րախ «судьба, фортуна». При этом русская система демонстрирует более четкую лексическую стратификацию (несмотря на известную двусмысленность, удача может означать и счастливый случай, и «успех»; ср. дефиниции, где успех толкуется через удачу). В армянском языке полисемия հաջողություն покрывает оба полюса и разграничение чаще достигается контекстуально и адъективной спецификацией: պատահական հաջողություն «случайная удача» в сравнении с րախաւոր/րախաւոր հաջողություն «заслуженный успех».

Во-вторых, параметр длительности проявляется как противопоставление «мимолетного счастья-случая» и «устойчивого счастья-благополучия». В русском: счастливый случай (единичное событие) vs счастливая жизнь / благополучие (стабильное состояние); лексически это подкрепляется рядом типа веселье ↔ благополучие. В армянском базовая лексема *երջինվորյունի* функционирует и для моментного, и для длительного измерения: *երջինվորյունի փոխ* «миг счастья» и *երջինիվ լիջնիւր* «счастливая жизнь». Специальной единицы для «разового счастья» не выделяется; используется описательная номинация (напр., *մէկ օրվի նիւթնվորյունի* «радость одного дня»). Тем самым в русском языке длительность чаще лексикализована, в армянском – преимущественно контекстуализуется.

В-третьих, единицы данного блока (удача, успех и благополучие) в обоих языках, как правило, маркируют мирско-прагматическую сферу и не несут сакральной коннотации: удача, успех описывают ход дел; благополучие / *բարորդիւնի, բարեկեցիւնի* – состояние материально-социальной устроенности. При этом в армянской традиции базовая номинация *երջինվորյունի* ассоциативно коррелирует с «душевым» измерением (в повседневной речи возможны коннотации внутреннего состояния), тогда как *բախտ* семантически нейтрален/фаталистичен (*լիւր բախտ* «добрая судьба» – *շար բախտ* «злая судьба»). Сходная фаталистическая линия присутствует и в русском (судьба, рок как внеоценочные детерминанты счастья).

Стилистико-прагматическое распределение единиц «счастливого» поля в обоих языках демонстрирует четкую жанрово-регистровую стратификацию. В русском разговорном дискурсе частотна лексема удача (формулы: «удачи тебе!», «какая удача!»), тогда как благополучие тяготеет к официально-деловому и эпистолярно-ритуальному употреблению (пожелания «семейного благополучия», «благополучия в пути»). Успех функционирует как в нейтральных, так и в формально-институциональных контекстах («добиться успеха», «пожелать успехов»). Лексема «счастье» в повседневной коммуникации нередко замещается эвфемистической «удача» – в рамках стратегии вежливой самопрезентации/скромности; книжно-ироническое «мне счастье» маркирует стилистическую игру.

В армянском языке наблюдается иная степень полифункциональности: *հաջողութիւն* «успех/удача» обслуживает широкий спектр ситуаций – от формулы благопожелания (*Հաջողութիւն! «Удачи!»*) до отчетного констатата (*գործը ունեցաւ հաջողութիւն* «дело имело успех»). Лексема *բախտ* «судьба, фортуна» закреплена за паремийно-разговорным и экспрессивным регистрами (ср. *բախտը փակ է «не везет»*; воскл. *Դ՛նք բախտ* «какое везение!»). *Բարորդիւնի* «благополучие» – стилистически более официальный эквивалент (типично в тостово-ритуальных пожеланиях здоровья и благополучия), тогда как *բարեկեցիւնի* «благосостояние» функционирует как термин социально-экономического дискурса. При адресных пожеланиях возможна формула *երջինվորյունի բեգ* «счастья тебе», однако в практике благопожеланий заметна ориентация на «материально-социальный» вектор (частотны пожелания *բարորդիւնի, բարեկեցիւնի*). Сравнительно-типологически это отражает различия в прагматике благопожеланий: в русском ядро формулы «счастья, здоровья» часто конкретизируется тематически, тогда как в армянском доминирует номинация устойчивого благосостояния как социально одобряемой цели.

Резюмируя сопоставительный анализ, подтвердим рабочую гипотезу: ни одна из рассматриваемых лексем не изоморфна по объему концепту СЧАСТЬЕ ни в русском, ни в армянском языке; каждая единица закреплена за собственной семантико-прагматической нишей в пределах соответствующего лексико-семантического поля. В русском материале наблюдается функционально четкая дистрибуция номинаций радость, счастье, удача, благополучие, блаженство и др.; в армянском сопоставимый ряд – *նիւթնվորյունի, երջինվորյունի, բախտ, բարորդիւնի, երջնութիւն* и др. Указанные пары демонстрируют концептуальные соответствия (рус. радость = арм. *նիւթնվորյունի*; рус. удача = арм. *բախտ*; рус. благополучие = арм. *բարորդիւնի*; рус. блаженство = арм. *երջնութիւն* и т. п.), что свидетельствует об общем типологическом сходстве структурирования поля.

Одновременно фиксируются культурно обусловленные расхождения. Армянская традиция шире мобилизует астрально-природные метафоры (солнце, звезда, заря) в качестве символических репрезентантов счастья, тогда как в русском корпусе такие номинации не лексикализованы как прямые синонимы. В русском языке лексико-графически разведена пара «удача – везение», тогда как в армянском соответствующие значения зачастую конвергируют в рамках одной лексемы (*հաջողութիւն* и *բախտ*) и дифференцируются преимущественно контекстуально. Кроме того, в русском наслаждение концептуально дистанцируется от счастья, тогда как арм. *փայլք* («наслаждение») легко интегрируется в семантическую область *երջնութիւն* («блаженство») как ее компонент.

В прагматическом измерении в обоих языках счастье концептуализируется как высшая ценность и маркируется речевой деликатностью: предпочитают перифразы и жанрово уместные формулы благопожеланий; в паремииологии системно оппозиционируются счастье и несчастье, подчеркивается переменчивость удачи. Таким образом, при общности базовой аксиологической установки различия проявляются в выборе образных средств, в степени лексической дифференциации фортунитивного компонента и в стиливых профилях ближайших синонимов.

Заключение

В результате исследования получена целостная картина семантико-прагматической дифференциации синонимии концепта СЧАСТЬЕ в русском и армянском языках. Основные выводы формулируются следующим образом:

1. Установлено, что концепт СЧАСТЬЕ в русском и армянском языках имеет полевою, многоуровневую организацию с ядерно-периферийной структурой. Ядро составляет аксиологически маркированное состояние высшей жизненной удовлетворенности, противопоставленное несчастью; периферия формируется

за счет фортуитивного, благополучного и духовно-нравственного компонентов. Показано, что современная интерпретация концепта интегрирует субъективно-эмоциональное переживание и объективируемое стечение обстоятельств, что подтверждается системным анализом лексикографических дефиниций в обоих языковых картинах мира.

2. Сформирован сопоставимый инвентарь ключевых лексем-репрезентантов лексико-семантического поля СЧАСТЬЕ в русском и армянском языках и описано их частотное и стилевое распределение. Установлено, что высокочастотные единицы преимущественно обслуживают нейтрально-разговорный регистр и ориентированы на обозначение повседневных позитивных состояний, тогда как специализированные номинации сакрализованных и фортуитивно-результативных модусов счастья концентрируются в книжных, религиозных, публицистических и официально-деловых подсистемах.

3. Параметризована межлексемная дифференциация внутри поля СЧАСТЬЕ по четырем универсальным признакам: интенсивность аффекта, темпоральная протяженность состояния, локус агентивности и контролируемости, а также аксиолого-духовная глубина. Показано, что каждая лексема реализует устойчивый профиль указанных признаков, что исключает полный семантический изоморфизм между синонимами и обосновывает необходимость уточнения критериев синонимичности применительно к абстрактным ценностным концептам. На этой основе описана иерархия «семантических лакун» между смежными участками поля.

4. Смоделирована сопоставимая для двух языков трехконтурная структура лексико-семантического поля СЧАСТЬЕ, включающая зоны эмоциональной радости, духовного блаженства и удачи/благополучия, и соотносены с ними соответствующие синонимические ряды с указанием их прагматико-стилистических ниш. Межязыковое сопоставление показало типологическую общность базовой аксиологической установки при наличии системных культурно обусловленных дивергенций, связанных с характером символизации счастья, степенью лексической дифференциации фортуитивного компонента и специфической интеграцией чувственно-удовлетворительного и духовно-ценностного параметров в каждой из сопоставляемых языковых систем.

Перспективными видятся дальнейшие сопоставительные исследования концепта СЧАСТЬЕ в русском и армянском языках с расширением выборки за счет привлечения других индоевропейских и кавказских языков, что позволит выявить универсальные и национально-специфические параметры его семантики и прагматики.

Материалы исследования | Research materials

1. Абрамов Н. Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений: около 5000 синонимических рядов: более 20000 синонимов. Изд-е 6-е, стер. М.: Русские словари, 1996.
2. Большой толковый словарь русского языка. Изд-е 2-е, испр. и доп. / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2014.
3. Брилева И. С. Большой фразеологический словарь русского языка. М.: Эксмо, 2009.
4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. Изд-е 8-е, испр. и доп. М.: Азбуковник, 2010.
5. Словарь синонимов русского языка: в 2 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Наука, 1970-1971. Т. 1-2.
6. Телия В. Н. Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление, культурологический комментарий. Изд-е 4-е. М.: АСТ-ПРЕСС, 2009.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Изд-е 2-е, стер. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1986-1987. Т. 1-4.
8. Шанский Н. М. Этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1963.
9. Sukiasyan A. M. Հայոց լեզվի հոմանիշները բացատրական (Объяснительный словарь синонимов армянского языка). Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1967.
10. Աղաջան Է. Բ. (Агаян Э.). Արդի հայերենի բացատրական բառարան (Современный армянский толковый словарь). Ереван: Հայաստան, 1976.

Источники | References

1. Абрамова С. Б. Темпоральность и отложенные модели как динамические характеристики счастья // Социодинамика. 2024. № 10. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2024.10.72292>
2. Багаутдинова Г. А., Байрамова Л. К. Аксиологическая фразеология о счастье // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. № 148 (2).
3. Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 2002.
4. Грдзелян Р. Семантическая организация синонимического ряда // Вестник Ереванского государственного университета. Русская филология. 2024. № 2.
5. Дербишева З. К. Русское счастье в лингвокогнитивной интерпретации // Cuadernos de Rusística Española. 2020. № 16 (4). <https://doi.org/10.30827/cre.v16i0.13912>
6. Дмитриева Н. М. Этическое наполнение концепта «Счастье» в русской языковой картине мира // Русистика. 2013. № 4.
7. Идзибагандова У. И. Представления о счастье в мировоззренческих картинах русского и дагестанского народов // Неофилология. 2021. Т. 7. № 27. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-27-460-466>

8. Идзибагандова У. И. Сравнение концепта СЧАСТЬЕ в русском и даргинском языках // Неофилология. 2022. № 8 (1).
9. Кафтан И. И. Символические признаки концепта СЧАСТЬЕ: лингвокультурологический анализ // Современные исследования социальных проблем. 2021. Т. 13. № 4. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2021-13-4-520-532>
10. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская речь. 1993. № 3.
11. Медведева Е. И., Ярашева А. В., Макар С. В. Счастье и благополучие: основные детерминанты в современном мире // Дискуссия. 2023. № 2 (117). <https://doi.org/10.46320/2077-7639-2023-2-117-14-26>
12. Сметанкин С. Р. Философия счастья: различные подходы к пониманию счастья в истории философской мысли // Мировая наука: проблемы и инновации: сборник статей LXXIX Международной научно-практической конференции, Пенза, 30 мая 2024 г. Пенза, 2024.
13. Черкашина Е. А. Концепт «Счастье» в русском языке // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2016. № 2.
14. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002.
15. Янь Кай, Чжан Бинь. Представление о счастье в языковом сознании носителей русской культуры: психолингвистический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2023. Т. 22. № 1.
16. Wierzbicka A. Happiness in Cross-Linguistic & Cross-Cultural Perspective // Daedalus. 2004. Vol. 133. № 2.

Информация об авторах | Author information

Овсепян Сирануш Андраниковна¹

Рыбаков Михаил Анатольевич², к. филол. н., доц.

^{1, 2} Российский университет дружбы народов, г. Москва

Siranush Andranikovna Hovsepyan¹

Mikhail Anatolyevich Rybakov², PhD

^{1, 2} Peoples' Friendship University of Russia (RUDN-University), Moscow

¹ siran.hovsepyan.97@mail.ru, ² rybakov_ma@pfur.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 01.10.2025; опубликовано online (published online): 26.12.2025.

Ключевые слова (keywords): лексико-семантическое поле счастья; аксиологический концепт СЧАСТЬЕ; компаративное исследование; когнитивно-прагматический подход; функционально-семантические параметры; lexical-semantic field of happiness; axiological concept of HAPPINESS; comparative study; cognitive-pragmatic approach; functional-semantic parameters.